

ОХОТНИКИ НА ВОЛКОВ

Глава I

БОЙ В ЛИСТВЕННИЦАХ

Суровая зима раскинула свой первый покров над Великой Канадской Пустыней. Красный шар луны восходил, освещая слабым светом безмолвную белую ширь. Ни один звук не нарушил ее унылого покоя. Дневная жизнь замерла, и не настал еще час, когда пробуждаются голоса блуждающих во тьме жителей ночи.

На переднем плане при блеске луны и рассеянном свете миллионов звезд поднимались амфитеатром массивы скал, у подножия которых спало замерзшее озеро. На склоне горы высились сосновый лес, черный и зловещий.

Несколько ниже лиственницы, наполовину согнувшиеся под тяжестью придавившего их снега и льда, стеной окаймляли озеро, окутывая его непроницаемым мраком. Со стороны, противоположной горе, соснам и лиственницам, скалистый амфитеатр переходил в безбрежную белую равнину, совершенно открытую и лишенную деревьев.

Огромная белая сова вынырнула из темноты, широко взмахнув крыльями. Потом она испустила хриплый и заунывный крик, который, казалось, возвещал, что близится наступление таинственного часа властителей ночи.

Снег, в изобилии падавший в течение целого дня, теперь перестал. Ни малейшего дуновения ветерка не чувствовалось в воздухе, и хлопья снега, уцепившись за самые тоненькие веточки, так и остались висеть на деревьях. Хотя ветра и не

было, но мороз был суровый. Человек, простоявший неподвижно в течение часа, должен был замерзнуть.

Вдруг молчание нарушилось. Раздался крик, громкий и печальный, как невыразимая жалоба, жалоба нечеловеческая. Если бы она донеслась до ушей человека, то заставила бы кровь быстрее биться в его жилах и пальцы судорожно сжать приклад ружья.

Крик исходил из белой равнины и отдавался в ночи. Наконец он замер, и молчание, следовавшее за ним, показалось еще более глубоким. Белая сова, как большой снежный ком, молча пронеслась, быстро взмахивая крыльями, над замерзшим озером.

Потом, спустя несколько минут, жалобный крик возобновился, но уже слабее.

Человек, привыкший к Великой Белой Пустыне, напрягая слух и всматриваясь в темноту, не колеблясь признал бы в нем дикий вопль боли и агонии раненого и наполовину сраженного зверя.

В самом деле, в лунном сиянии медленно приближался великолепный лось-самец с той осторожностью, которая свойственна животным, измученным долгими часами травли. Его гордая голова, склонявшаяся под тяжестью массивных рогов, оборачивалась в сторону лиственного леса, расположенного на другом берегу озера. Животное втягивало воздух, его ноздри расширялись. Оно оставляло за собой следы крови. Раненное насмерть, оно с трудом тащило по мокрому снегу, который покрывал лед, по-видимому, надеясь найти под сенью деревьев свое последнее пристанище.

Когда лось уже почти достиг своей цели, он вдруг остановился, закинул голову назад и, подняв кверху морду, насторожил свои длинные уши. Это обычная поза лосей, когда они прислушиваются. А слух их так тонок, что они различают на расстоянии мили всплески воды, встревоженной игрой речных форелей.

Но, казалось, ни один звук не нарушал молчания, только время от времени доносились зловещие крики белой совы, которая была еще недалеко. Однако мощное животное про-

должало стоять неподвижно, к чему-то прислушиваясь, в то время как лужица крови под его грудью расплывалась по снегу. Какие таинственные звуки, неуловимые для человеческого слуха, долетали до его тонких, заостренных ушей? О какой опасности, таившейся в засаде черного соснового леса, они вопрошали?

Фырканье животного возобновилось. Втягивая ноздрями ночной мрак, оно поводило мордой то на восток, то на запад, чаще всего поворачиваясь к северу.

Вскоре можно уже было различить звуки, которые до тех пор слышны были одному лосю. Отдаленный вой, заунывный и в то же время дикий, нарастал, потом замирал, становясь с минуты на минуту все более определенным. Это был вой волков.

Петля палача для убийцы, осужденного на смерть, ружье, взятое на прицел, для шпиона, попавшего в руки врагов, то же, что этот волчий вой для раненого зверя Великой Канадской Пустыни. Старый лось снова опустил свою голову и свои широкие рога и, собрав все силы, побежал мелкими шажками к сосновому лесу.

Он отстоял дальше, но был гуще, чем маленький лесок из лиственниц, и животное инстинктивно понимало, что, если бы ему удалось добежать, оно нашло бы там более безопасное убежище.

Но вот... Да, вот оно прервало свой бег и снова остановилось. Так неожиданно, что передние ноги подогнулись и оно рухнуло на снег. На этот раз прозвучал ружейный выстрел.

Выстрел мог быть дан по меньшей мере за милую, а может быть, и за две. Но его отдаленность несколько не ослабила страха, заставившего затрепетать издыхающего царя Севера. Утром того же дня он уже слышал этот звук, нанеший неведомую и глубокую рану самым жизненным частям его тела. Худо ли, хорошо ли, но он поднялся на ноги и скрылся в промерзшей массе лиственниц.

После ружейного выстрела снова воцарилось молчание. Оно длилось около десяти минут, когда внезапно вопль прорезал воздух. Но теперь он был уже значительно ближе. Другой

ответил ему, потом третий, четвертый, и скоро это был уже целый хор дико ревущей волчьей стаи.

Почти тотчас же силуэт человека выплыл из лиственного леса. Лицо его было цвета меди, как у индейцев.

Он прошел несколько ярдов. Потом, обернувшись к темной стене, закричал:

— Идите, Род. Мы на верной дороге, и наша стоянка уже недалеко.

Голос ответил:

— Я здесь, Ваби.

Прошло несколько минут, и показался другой молодой человек, белолицый.

Ему было не больше восемнадцати лет. Левой рукой он опирался на толстую палку. Его правая рука, которая казалась серьезно раненной, была обернута большим платком, исполнявшим роль импровизированной повязки. Лицо было все исцарапано и кровоточило. Весь его вид свидетельствовал о том, что он дошел до последней степени изнеможения.

Он сделал еще несколько шагов, шатаясь и судорожно глотая воздух. Потом палка выскользнула из его пальцев, потерявших чувствительность, и он даже не попытался поднять ее. Сознывая свою слабость, он согнул колени и опустил на снег.

Ваби протянул ему руку, чтобы помочь подняться.

— Как вы думаете, Род, сможете вы идти дальше?

Молодой человек встал на ноги.

— Очень боюсь, что нет, — пробормотал он. — Я дошел до предела.

И он снова повалился на землю.

Ваби положил ружье и опустил на колени возле товарища.

— Мы вполне могли бы, — сказал он, — расположиться здесь до утра, если бы у нас оставалось больше чем три заряда.

— Всего три? — спросил Род.

— Ни штуки больше. Этого хватит, чтобы убить двух или трех волков. Я не думал, когда шел искать вас, что вы забрались так далеко.

Встав перед Родериком, он перегнулся пополам, как перочинный нож, наполовину закрытый.

— Обнимите меня за шею, — сказал он, — и держитесь крепко.

Ваби поднялся со своим грузом, держа Рода на могучих плечах. Он уже готов был пуститься в путь, когда раздался охотничий клич волков настолько близко, что он остановился в сомнении.

— Они вышли на наш след, — заявил он. — Нечего и думать, что мы сможем удрать. Раньше чем через пять минут они будут здесь.

Страшное виденье пронеслось в его мозгу: смерть другого юноши, на его глазах растерзанного на куски этими хищниками Севера. И он задрожал. Значит, такова же будет участь его товарища и его собственная... Если только... Сбросив раненого с плеч и оставив его, он еще мог убежать. При этой мысли по лицу его прошла судорога, и он сурово усмехнулся. Покинуть Родерика! Не в это ли самое утро, в первой стычке с индейцами, они бок о бок разряжали свои ружья? Не рядом ли с ним упал Родерик в этой битве с раздробленной рукой? Если им суждено через минуту встретиться лицом к лицу со смертью, то и здесь их будет двое. Они умрут вместе.

Решение Ваби было принято моментально. Он вернулся обратно в лиственный лес, неся Рода на плечах. Для них оставался еще единственный шанс на спасение: взобраться на одно из деревьев и ждать, пока волки не разбегутся с наступлением дня. Правда, они подвергались бы тогда риску умереть в течение этого времени от холода. Эта битва между ними и волками была бы испытанием на выносливость.

Ваби остановился у подножия большой лиственницы, ветви которой под тяжестью снега пригибались до самой земли, и положил Рода. При свете луны, которая теперь стояла в небе и ярко блестела, он взглянул на белого юношу, лежавшего почти без сознания с полузакрытыми глазами и безжизненными членами. Лицо его было смертельно бледно, и при виде этого призрачного лица верное сердце Ваби сжалось от тоски.

Но еще прежде, чем он успел подумать, как поднять раненого в надземное убежище, его ухо, привычное к звукам пустыни, насторожилось. Волки приближались! Он скорее почувал